

ВТОРЫЕ сутки идет дождь. По размытым пустым улицам Куйбышева идет девушка в намокшей пилотке, длинная шинель бьет по тяжелым кирзовым сапогам. Шагает она деловито и споро. А за ней, пытаясь догнать, торопится немолодая женщина. Она не кричит, не просит остановиться. Только беззвучно шепчут скорбные губы: «Доченька...», да время от времени рука придерживает непослушное сердце. Но вот девушка обернулась, и, как от удара, оstanовилась женщина:

НАРОДНАЯ АРТИСТКА

— Не она! Да и то сказать, как тут Ниночке быть. Вернувшись домой, Анастасия Спиридоновна долго рассказывает Андрею Матвеевичу, как приняла на улице за дочку девушку в военном, как догоняла ее...

— Да полно, мать. Ну, что уж теперь делать? Уехала не в куклы играть, — успокаивает, как может, бывший матрос с легендарного крейсера «Варяг», давно уже заменивший в этом доме отца девочкам-погодкам Миле и Нине.

С приходом в семью рабочего железнодорожных мастерских Андрея Чарыкова навсегда вошли добрая дружба и взаимное уважение. Для своих приемных дочек он был готов сделать все, и те платили ему искренней взаимной любовью.

У Милы оказались большие способности к математике, и она поступила в Рыбинский авиационный институт. А выпускной вечер десятиклассницы Нины закончился военным утром. Так и стояли с охапками белоснежной черемухи под тревожными репродукторами. Юноши сразу попили в военкомат, а девушки вскоре уже учились на курсах медсестер.

В Уфу эвакуировался Московский медицинский институт, и осенью 1942 года Нина стала там учиться. Сбылась, казалось бы, мечта матери — видеть дочку врачом.

Но пришло известие о гибели двоюродного брата Нины, веселого летчика Саши Голосова. И это решило дальнейшую судьбу девушки. Пять подружек изо дня в день ходили просить директора института, пока тот не отпустил их на фронт.

Положив в рюкзак конвертик с дорогими фотографиями и сухари, собранные однокурсницами, сидит Нина в уголке товарного вагона, который движется в сторону фронта. Эвакогоспиталь 415. Три года она был и семьей, и домом Нины...

Госпиталь все время следовал за фронтом. Очистив свою территорию, героические советские войны освобождали от фашистов одну страну за другой. Госпиталь закрепился в Польше.

Здесь под руководством композитора Модеста Табачникова создан фронтальный ансамбль. Вскоре хирургическую сестру Нину Константинову отчитывало госпитальное начальство:

— Кто же вы больше, медицинская сестра или артистка? Как можно так перегружать себя?

А Нина пела сатирические куплеты, выступала с акробатическими номерами, читала стихи...

Закончилась война, и демобилизовалась старший сержант медицинской службы Константинова, награжденная тремя боевыми медалями, с карточкой кандидата в члены Коммунистической партии.

Сестра Людмила за это время получила диплом инженера-авиаконструктора и стала работать по специальности.

Мама по-прежнему хотела видеть врачом младшую дочь, чудом уцелевшую в страшные годы (ведь из их первоначальной пятёрки осталось в живых только двое!). Но девушка решила иначе.

Полетели годы самой напряженной учебы под руководством известных мастеров сцены в студии при Московском государственном ордена Трудового Красного Знамени театре имени Ленинского Комсомола. В

характеристике, данной при выпуске и подписанной главным режиссером театра народным артистом СССР И. Н. Берсеневым, говорится: «Константинова Нина Алексеевна окончила студию при театре 1 января 1950 года с отличными показателями по всем дисциплинам. Одаренная, яркая и разнообразная молодая актриса. Обладает заразительным темпераментом, лиричной мягкостью в драматических ролях, может также играть острые характерные роли». Дальше идет перечень ролей, сыгранных за время учебы, поражающий своим разнообразием: Аксинья — «Тихий Дон» и графиня в «Пиковой даме», Лариса и Огудалова в «Бесприданнице».

Минуло тринадцать лет профессиональной сценической деятельности. Известные драматические театры в Куйбышеве, Таллине, Караганде гостеприимно предоставляли свою сцену молодой актрисе. Последние семь лет отданы Якутскому русскому драматическому театру. Здесь пришли настоящая зрелость, признание.

Трудно пересчитать, сколько и каких ролей уже сыграно, одни проходят бесследно, другие остаются в памяти навечно. Это Варя из пьесы Алешина «Одна» — тонкий психологический образ нашей современницы, Маша — в «Кремлевских курантах», Анфиса в «Угрюм-реке», Ламбрии Кирыкули — «Остров Афродиты» — символ мировой материнской любви и печали. Мария Тюдор — сложнейшее переплетение чувств королевы и женщины. И, наконец, самая любимая роль — Нила Снежная из «Барабанщицы».

Были и трудности, и неудачи. Были моменты, когда казалось, что напрасны все усилия, что добиться желаемого никогда не удастся. Побеждали трудолюбие и настойчивость. Артистка твердо усвоила на всю жизнь, что никакой талант сам по себе не приведет к победе, что только повседневный кропотливый труд — верный помощник в движении вперед, к поставленной цели.

Часы долгих раздумий, мучительных исканий предшествуют каждой новой роли. Нет, аплодисменты не даются легко! * * *

Уютный свет торшера располагает к спокойной откровенной беседе. Сегодня рядом со мной не артистка, а радужная хозяйка, интересный собеседник, душевная и простая женщина Нина Алексеевна. Большие

выразительные глаза, которые на сцене передают тончайшие оттенки человеческих чувств, сейчас подернуты легкой пеленой грусти, как бывает всегда при встрече с прошлым. Мы разбираем «архив». У каждого из нас есть такая шкатулка или папка, где хранятся старые письма, документы. Обычно редко сюда заглядывает хозяин, но уж если прикоснулся, открыл — хочешь не хочешь, перед тобой властно встанет минувшее.

Вот потрепанная маленькая серая книжечка с красной звездочкой. — «Красноармейская книжка». Теплеет взгляд Нины Алексеевны. Сколько

она напомнила ей! А вот тонкая брошюрка со странным названием «Универсальный дугаппарат». Моя собеседница оживает:

— Автор, сейчас это большая медицинская величина, подарил мне ее в 1945 году. Я работала в госпитале на его аппарате. Вот надпись.

«Лучшему мастеру гипсовых повязок на дугаппарате в СЭГ 415 мед. сестре Нине Константиновой от автора. Майор медицинской службы И. Туровец».

— Как он возмущался, встретив меня, что я не стала учиться в медицинском институте. Говорил, что именно хирургия мое призвание! — улыбается хозяйка.

Экземпляры пьес с авторской надписью. «Милой, дорогой Нине Алексеевне Константиновой — «Катюше» — с самыми лучшими чувствами. Вы создали незабываемый образ!» — пишет М. Мусиенко на книжечке своей пьесы «Слушайте, товарищи потомки!».

Письма. Совсем незнакомых людей, зрителей. «Милая артистка! Как вы играли! Вашу Наталью я никогда не забуду. 30—IV. 54 года. Раиса Востенко».

А вот письмо бывшего преподавателя студии Олега Фрелиха: «Я верю в Вашу будущность, но не забудьте, что удача редко лезет прямо в руки людям. Нужны не только Ваши дарования...»

Письма из Москвы от большого друга, сестры Людмилы Алексеевны Туз, и, конечно, с берегов родной Волги, из Куйбышева, где в небольшой квартирке живут два старых человека, с нетерпением ожидая каждой весточки из Якутии. Сердечные письма простой женщины-матери полны мудрых жизненных советов.

Нашу беседу неоднократно прерывают телефонные звонки, посещение соседей, товарищей по работе. Нина Алексеевна всегда с людьми, для каждого найдет у нее и одобряющая улыбка, и успокаивающее слово.

За письмами следуют многочисленные снимки в ролях и, наконец, папка, которую открываешь с большим уважением.

По яркому пурпuru золото строгих букв: Почетная грамота Президиума Верховного Совета ЯАССР — 17 января 1958 года.

Следующая Почетная грамота, утверждающая высокое звание заслуженной артистки Якутской АССР, датирована 9 мая 1961 года. И еще одна, чуть большего размера — Почетная грамота народной артистке Якутской АССР Нине Алексеевне Константиновой, врученная 12 июня 1962 года.

— Оказывается, сколько интересного было в моей жизни! В повседневных делах забываешь обо всем этом, — говорит задумчиво Нина Алексеевна, осторожно складывая дорогие редикви. Берет маленький жесткий прямоугольничек — мандат какой-то партийной конференции и поясняет:

— Много лет была секретарем

партийной организации, несла профсоюзные нагрузки, работала агитатором, как и все, — скромно заканчивает она.

Мне давно хочется задать один вопрос и, выбрав удачный момент, я спрашиваю:

— Скажите, можете вы назвать себя счастливой?

Нина Алексеевна смахивает невидимые соринки со скатерти на столе, потом решительно тряхнув непокорными завитками волос, светлея лицом, словно освещенная изнутри, коротко отвечает:

— Да! У меня есть все основания говорить о счастье. У меня любимая работа, дорожка которой ничего не может быть на свете. Вокруг меня люди, которым мой труд доставляет удовольствие. Чего же еще может желать человек?

М. УСЦЕЛЕМОВА.